

ВОЗМОЖНАЯ УРБАНИЗАЦИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (на примере российско-китайской границы)*

© 2019 И. ЗУЕНКО, И. ЧУБАРОВ

DOI: 10.31857/S032150750004134-9

В 2018 г. создание трансграничных территорий опережающего развития вошло в повестку российско-китайских межправительственных переговоров, актуализировав изучение их потенциала как центров притяжения населения и факторов ускоренного развития и урбанизации территории. В статье представлен аналитический обзор потенциала трансграничных экономических зон (ТЭЗ) на российско-китайской границе. Сделан вывод о том, что для развития местных городских поселений наравне с административными мерами требуются также экспортно-ориентированная и логистическая компоненты.

Ключевые слова: Россия, Китай, трансграничные экономические зоны, урбанизация

CROSS-BORDER ECONOMIC ZONE AS AN URBANIZATION CORE AT A PERIPHERY REGION (case of the Sino-Russian border)

Ivan Yu. ZUENKO, Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Russian Academy of Sciences Far Eastern Branch (zuenko@ihaefe.ru)

Ilya G. CHUBAROV, PhD (Geography), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (ilya.chubarov@gmail.com)

In 2018, the topic of the “cross-border territories of the advanced development” was included into the agenda of Sino-Russian official talks. According to the view of the Russian and Chinese officials, these territories created between the border ‘twin cities’ in the Russian Far East and the North-East China (Pogranichny-Suifenhe, Blagoveshchensk-Heihe, Nizhneleninskoye-Tongjiang, etc.) should be the cores for further urbanization and economic development of the peripheral territories. This paper studies the potential of these zones as the urbanization, demographics and regional development “growth poles”. Both sides of the Sino-Russian borderland experiencing under-development problems, which cause the population drain. Central government addresses this issue by creating incentives to look for the new forms of the cross-border economic cooperation to overcome these problems. Amongst all of the proposed cross-border economic zones, the most discussing at the moment is the “Pogranichny-Suifenhe” which has already been once a testing ground for similar trans-border zone project (middle of 2000s), but failed due to the number of reasons. Drawing on that experience and current field studies (2016-2018) in the borderland areas, authors conclude that cross-border territories of advanced development could promote urbanization of peripheral territories in case administrative measures be joined by the development of the export-oriented industry and the logistics components. Study also highlights the new stage of the cross-border cooperation, including economic zones, after the sharp change of the currency exchange rate. Establishment of such zones is in line with the national-level regional policies, but requires more internal coordination between related departments, especially considering new openness measures such as Vladivostok Free Port.

Keywords: Russia, China, cross-border economic zones, urbanization

Нынешний этап международного разделения труда характеризуется интенсификацией трансграничных контактов, чему способствует активное развитие информационных технологий и рост миграционной активности населения.

На этом фоне приграничные территории, которые в прошлом формировались и позиционировались, в первую очередь, как «зоны отчуждения» и

«форпосты» системы национальной обороны, стали трансформироваться - во всяком случае, в управленческом и научном дискурсе - в «террито-

* Исследование проведено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых ученых - кандидатов наук № МК-2007.2017.6 (И.Г.Чубаров).

ЗУЕНКО Иван Юрьевич, н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение РАН. РФ, 690000, Владивосток, ул. Пушкинская, 89 (zuenko@ihaefe.ru)

ЧУБАРОВ Илья Георгиевич, к.г.н., ст.н.с. ИДВ РАН. РФ, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32 (ilya.chubarov@gmail.com)

рии возможностей» и получателей основных выгод от активизации межгосударственных контактов. Соответственно, по всему миру идет поиск новых форм трансграничного сотрудничества.

Одной из них являются зоны экономического сотрудничества двух (или более) стран, расположенные на смежных с границей территориях, предполагающие упрощенный режим оформления миграционных и товарных потоков и льготы по ведению хозяйственной деятельности. Наименования подобных зон отличаются разнообразием, в статье используется универсальный термин - *трансграничные экономические зоны (ТЭЗ)*.

Эти процессы наблюдаются и на одной из наиболее протяженных в мире границ между Россией и КНР. Расположенные с российской стороны, регионы в течение трех десятилетий испытывают убыль населения, а в последние годы аналогичные тенденции становятся заметны и на китайской стороне. Нехватка крупных городов не дает в полной мере развиваться агломерационному эффекту и потребительской экономике.

В то же время развитие Дальнего Востока с 2013 г. объявлено приоритетом национальной политики России [1], поставлена задача выйти на темпы развития в 2-3 раза выше средних по стране. Условием привлечения в регион новых жителей является ускорение экономического развития, в т.ч. за счет «точек роста» в приграничном сотрудничестве.

Развитие расположенных с китайской стороны границ регионов северо-восточного Китая входит в число приоритетов национальной региональной политики Пекина (программа «Возрождение Северо-Востока», последняя редакция которой принята в 2016 г. на период 13-й пятилетки).

Руководство обеих стран ищет формат сотрудничества, который позволил бы добиться синергетического эффекта. Успешные трансграничные экономические зоны в этом случае могли бы на базе своей внешнеэкономической специализации и государственной поддержки существенно повысить населенность близлежащих поселений и сыграть роль «драйверов» региональной урбанизации.

2018 г. ознаменовался активизацией тематики на официальном уровне. В настоящее время идет обсуждение трех трансграничных экономических зон (с российской стороны, в формате «трансграничных территорий опережающего развития», ТГТОР): флагманской «Пограничный-Суйфэньхэ» и двух территорий второго эшелона «Благовещенск-Хэйхэ» и «Остров Большой Уссурийский».

Заявление о намерении реализовать ТГТОР «Пограничный-Суйфэньхэ» впервые попало в публичный дискурс по итогам встречи Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока, Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР (далее - Межправкомиссия) в феврале 2018 г. [2]. Две другие трансграничные территории опережающего развития фигурировали в документах Министерства экономического развития РФ в контексте согласования с Госкомитетом по развитию и реформе КНР будущего плана координации развития приграничных регионов двух стран до 2025 г.

В марте 2018 г. была опубликована информация о начале разработки китайской стороной проектного обоснования создания трансграничной зоны «Благовещенск-Хэйхэ» [3]. В июне был подписан меморандум о создании такой зоны между Еврейским автономным округом (ЕАО) и городом Тунцзян [4]. На августовском заседании Межправкомиссии в Даляне, впрочем, был упомянут только «флагманский» проект «Пограничный-Суйфэньхэ».

На Восточном экономическом форуме-2018 была принята «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018-2024 годы», в которой упоминается трансграничных территорий опережающего развития отсутствовало, что авторы документа объяснили необходимостью дополнительной проработки проекта с перспективой заключения отдельных меморандумов по каждой ТГТОР.

Анализ имеющихся материалов и литературы свидетельствует, что обсуждение ТЭЗ на российско-китайской границе находится в исключительном ведении государственных ведомств, а научных работ на эту тему нет (за исключением опубликованной в феврале 2017 г. [6]), за год до начала обсуждения концепции трансграничных территорий опережающего развития.

Проведенные нами летом 2018 г. полевые работы продемонстрировали, что обсуждение трансграничных территорий опережающего развития не ведется и на местном уровне: опрошенные чиновники Пограничного района Приморского края узнавали об инициативе от авторов.

Данная статья призвана частично восполнить этот пробел и посвящена изучению потенциала создания трансграничных экономических зон (ТЭЗ) на российско-китайской границе, в первую очередь «Пограничный-Суйфэньхэ», как площадки интенсификации экономического сотрудничества в контексте демоурбанистической обстановки в этом регионе.

Работа написана на основе анализа имеющихся в свободном доступе документов по функционированию ТЭЗ на постсоветском пространстве, а также материалов полевых исследований, проведенных в 2018 г. в форме интервьюирования чиновников (Приграничного района, г. Владивостока, Минвостокразвития, Минэкономразвития, предпринимателей и экспертов (ИИА «Приморье»), имеющих отношения к проектам трансграничных экономических зон.

ГОРОДСКИЕ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ

Одна из ключевых социально-экономических особенностей региона вдоль российско-китайской границы (историк-востоковед В.Л.Ларин предлагает использовать термин «российско-китайское трансграничье» (РКТ) [7]) - его периферийность, удаленность от центров расселения и экономической активности обеих стран [8].

Эксперты выделяют несколько ключевых характеристик, отличающих периферию социально-экономической системы от ядра (центра): низкий исходный уровень развития, повышенная доля занятых в первичном секторе и сфере нерыночных услуг, ограниченное участие в территориальном разделении труда, отставание социальных нововведений, поляризация, ориентация на экстенсивное использование ресурсов и др. [9; 10].

Пограничность региона выражается в непосредственно связанных с государственной границей характеристиках, влияющих на территориальную структуру расселения и хозяйства, миграционную привлекательность, потоки товаров и др., а также в специфических социокультурных свойствах территории («буферная» зона, транзитный регион, особая отраслевая структура хозяйства) [11, с. 61].

Разность «потенциалов» двух территорий создает возможность для появления трансграничного перетока, но в целом социально-экономическое развитие периферийных пограничных районов больше подчиняется логике периферийности, а положительное влияние приграничного положения не является определяющим [12]. Упомянутые характерные черты пограничности и периферийности в разной степени прослеживаются по обе стороны российско-китайской границы.

Несмотря на бросающуюся в глаза синхронность начала современного освоения российской и китайской частей РКТ, в дальнейшем пути их

развития разошлись. Первые русские поселения на левом берегу Амура были основаны в 1856 г. (Благовещенск и Хабаровск), а формально принадлежность Приамурья и Приморья России была зафиксирована в 1858 и 1860 гг. С китайской стороны политика «Ивового палисада» (*лю тяо бянь*), т.е. запрета на переселение китайцев на исконные маньчжурские территории, действовала до 1873 г. Окончательно территория бывшей Маньчжурии (*Гуаньдун*, сейчас - *Дунбэй*, северовосточный Китай (СВК) была открыта для миграций из других частей Китая в 1902-1904 гг.

На протяжении XX в. Дальний Восток не играл значительной роли в масштабах всей советской экономики, а его заселение проводилось, в основном, административными методами. СВК в силу удобного расположения и внешнего (русского, японского, советского) влияния являлся главной индустриальной базой Китая до начала рыночных реформ и одним из наиболее привлекательных мест для миграции из других регионов.

«Старший сын республики», как в то время называли эту часть страны, на момент образования КНР концентрировал более 80% всей промышленности, был пионером урбанизации (24% горожан уже в 1942 г.) и современного строительства, а местные городские центры (Харбин, Шэньян, Далянь) опережали по числу жителей столицы южных и центральных провинций. За годы строительства плановой экономики СВК, в целом, поддерживал более высокий по сравнению с остальной страной уровень урбанизации и экономического развития.

Начало рыночных реформ в 1980-х в России и Китае спровоцировало синхронный рост периферийности Дальнего Востока и Дунбэя, а приграничное сотрудничество после возобновления внешнеэкономических связей не компенсировало недостатки устаревшей модели экономики и низкой миграционной привлекательности.

Сокращение влияния государства на размещение новых производств и сервисных отраслей увеличило значимость рыночных факторов, таких, как агломерационный эффект*, что привело к дальнейшему отставанию этих территорий [13].

Несмотря на то, что дальневосточная часть российского приграничья по всем методикам подсчета обладает одним из наиболее выгодных в России экономико-географическим положением (ЭГП) [14; 15], доля ЦФО в ВВП выросла с 24,6% в 1990 г. до 35,3% - в 2014 г., а в Дальневосточ-

* Агломерация - концентрированное расположение поселений, которые между собой связаны не только по территориальному признаку, но и различными экономическими, социальными и культурными связями (*прим. ред.*).

ном федеральном округе (ДФФО) сократилась с 6,1% до 5,5% [16].

Схожие тенденции наблюдаются и на северо-востоке КНР. «Дунбэйский синдром» (*Дунбэй сяньсян*) [17] - термин, описывающий сложности реструктуризации экономики старопромышленного района в ходе реформ 1990-х гг., приведшие к закрытию многих государственных заводов и волне безработицы.

Кризис обострился в последние годы: перепроизводство в сталелитейной промышленности, падение цен на энергоносители, сокращение государственных инвестиционных программ на фоне антикоррупционных расследований привели к падению темпов роста значительно ниже средних по стране, вплоть до беспрецедентного для Китая сокращения ВВП Ляонина на 2,5% в 2016 г. Китайские исследователи отмечают, что из трех северо-восточных провинций хуже всего ситуация именно в приграничном Хэйлунцзяне [18], доля которого в валовом продукте СВК сократилась за 1995-2015 гг. с 33,9% до 26,1%.

Нарастание социально-экономической периферийности российского Дальнего Востока сопровождается депопуляцией. Число жителей Приморского края за 1991-2016 гг. сократилось на 16%, в Амурской области - на 23%, Еврейском автономном округе (ЕАО) - на 24%. Общая численность населения граничащих с КНР субъектов федерации упала на 18%, с 6523 тыс. до 5317 тыс. При этом произошло «сжатие» освоенного пространства - повсеместно наблюдается стягивание оставшегося населения в крупнейшие города региона. Доля Хабаровска в населении Хабаровского края за тот же период времени выросла с 38% до 46%, Благовещенска - с 20% до 28% и т.д. Пропорционально снизилось и общее число горожан, однако его доля в населении осталась неизменной (около 75%) [19].

Регионы с китайской стороны в 2010-х гг. также вошли в состояние депопуляции. В одном только 2017 г. население приграничных Хэйлунцзяна и Ляонина сократилось на 105 тыс. и 156 тыс. жителей, соответственно. Налицо быстрое старение населения и отток образованной молодежи в другие части страны [20].

Таким образом, становится понятно желание правительства обеих стран создать в этих регионах новые центры роста, которые смогли бы привлечь мигрантов и укрепить демографический каркас территории. Одним из местных конкурентных преимуществ и та, и другая сторона видят приграничное положение, что делает желательным создание новых точек роста именно в приграничной зоне. Ввиду этого проекты ТЭЗ в

глазах руководства приобретают не только социально-экономическое, но и демо-урбанистическое измерение. Нельзя сбрасывать со счетов и имиджевую составляющую, в рамках которой создание ТЭЗ подтверждает курс на внешнеэкономическую открытость и добрососедские отношения.

ТЭЗ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Зарубежные ученые определяют трансграничные экономические зоны (ТЭЗ) как «географический регион, расположенный у международного пограничного перехода, в котором реализуются двусторонние проекты в сфере инфраструктуры и логистики для увеличения трансграничной торговли и инвестиций». Цель создания ТЭЗ - «стимулирование экономического развития приграничной зоны как часть стратегии развития субрегиона» [21, р. 15].

Основными принципами трансграничных экономических зон являются: 1) отсутствие налогового и валютного контроля при размещении инвестиций; 2) упрощенное получение разрешений и лицензий; 3) освобождение от НДС, корпоративных и местных налогов. Иначе говоря, нет смысла создавать ТЭЗ там, где между соседями действуют соглашения о свободной торговле и безвизовом перемещении граждан.

В целом, под указанные критерии подходит не такое уж большое количество границ, поэтому практику создания трансграничных экономических зон нельзя назвать массовой. Литературы по данным вопросам немного, а доступные исследования по большей части выполнены в рамках госзаказа. В частности, экономисты из США и Таиланда М.Лорд и П.Тангтронгджита в 2014 г. изучили возможность создания ТЭЗ в треугольнике Индонезия - Малайзия - Таиланд [21]. Проф. Ван Цзаньсинь посвятил ряд работ вопросам создания и функционирования трансграничных экономических зон на границах Китая со странами ЮВА [22]. Практически неизученным является аспект влияния такой зоны на урбанизацию прилегающих территорий.

С российской стороны границы исследователи выделяют несколько этапов государственного регулирования социально-демографических и экономических аспектов трансграничных отношений [23]. На начальном этапе (конец 1980-х - 1990-е гг.) приоритетом являлось продиктованное ходом демократических рыночных преобразований безусловное открытие региона внешнему миру и нормализация отношений с Китаем. Мотивация к созданию трансграничной зоны сотрудничества

была и с китайской стороны. Ещё в 1984 г. Хэйхэ с инспекционной поездкой посетил тогдашний генсек КПК Ху Яобан, который охарактеризовал Хэйхэ и Шэньчжэнь как «северное и южное крыло будущей китайской экономики» [24]. В 1992 г. был утвержден список 14 открытых приграничных городов, куда, среди прочих, вошли Хэйхэ, Суйфэньхэ, Хуньчунь и Маньчжоули.

В результате, в 1999 г. для повышения уровня открытости на межправительственном уровне было согласовано создание «приграничных торгово-экономических комплексов» (ПТЭК) Пограничный - Суйфэньхэ и Благовещенск-Хэйхэ, которые предполагали взаимные безвизовые поездки граждан обеих стран. Также обсуждался проект Забайкальск-Маньчжоули, упоминаются аналогичные комплексы в районах Полтавка-Дуннин и Хасан-Хуньчунь [25, с. 141].

Конкретное осуществление выше обозначенных проектов, в соответствии с принятой в 2001 г. концепцией приграничного сотрудничества, отдавалось местным властям и бизнесу [26]. В приграничном торгово-экономическом комплексе Благовещенск-Хэйхэ безвизовый въезд на срок до 30 дней был открыт в одностороннем порядке китайской стороной, что стало одним из главных факторов быстрого экономического роста экономики города. В ПТЭК Забайкальск-Маньчжоули разрешен въезд на территорию сопредельного города на личном автомобиле. Однако дальнейшая реализация приостановилась в силу таких факторов, как сильные алармистские настроения местного населения, отсутствие финансовых ресурсов для создания современной инфраструктуры и пассивная позиция местных властей.

Соглашение о реализации приграничного торгово-экономического комплекса Приграничный-Суйфэньхэ было подписано в 2004 г. В рамках проекта, активная фаза которого пришлась на 2004-2008 гг., по обе стороны от границы предполагалось создать «резервации» (153 га с китайской стороны и 300 га - с российской), соединенные специальным грузопассажирским переходом, с особым порядком въезда для граждан России и Китая (на личном автотранспорте, без виз, по общегражданскому паспорту) и льготными правилами таможенной очистки грузов. Для перемещения внутри территории планировалось разрешить движение на личном автотранспорте. С российской стороны предполагалось создать сборочное

производство на основе китайских инвестиций, с китайской - торговые и рекреационные объекты.

Говоря о практике предполагаемых в те годы приграничных торгово-экономических комплексов», эксперты высказывали серьезные сомнения в намерениях китайского инвестора организовать производство на российской части ПТЭК. Скорее, их (как и российских контрагентов, позднее подозреваемых в создании контрабандных каналов [27]) интересовал льготный режим таможенной очистки и упрощенное привлечение китайской рабочей силы. В этой схеме российскую часть предполагалось использовать как склад и перевалочную базу, что делало проект коммерчески привлекательным и для приграничного бизнеса, и для местного населения, которое получило бы доступ к дешевым китайским товарам и услугам без необходимости заезжать в КНР.

С китайской стороны все согласования были осуществлены в полном объеме, а строительство заявленных объектов было завершено к 2006 г. (гостиница и торговый комплекс). Однако с российской стороны проект не прошел согласование со стороны погранслужбы, таможни и Министерства обороны, в связи с чем был с 2008 г. фактически заморожен. Логика российских властей связана с рисками ослабления контроля над трансграничными потоками и расцветом «челночной экономики», которая не считалась приоритетной формой трансграничного сотрудничества. Соответствующие органы посчитали, что проект не создает достаточное количество рабочих мест, а основные экономические выгоды получила бы китайская сторона. В результате, с российской стороны были построены только небольшое офисно-складское помещение и часовня Георгия Победоносца*.

После неудачи проекта приграничных торгово-экономических комплексов власти Суйфэньхэ в одностороннем порядке пошли на создание свободной зоны приграничной торговли в 2009 г. (беспшлинный ввоз зарубежных товаров, возврат налога на экспорт) [28], а с 2014 г. был облегчен порядок оформления безвизовых групп для посещения Суйфэньхэ. Также китайские власти неоднократно выступали с инициативой разрешения въезда в сопредельные города двух стран на личном автотранспорте. Реализация мер в одностороннем порядке позволила китайской стороне достичь того же «эффекта открытости» с точки

* На о-ве Большой Уссурийский, который также позиционируется как площадка активного российско-китайского сотрудничества, есть часовня в честь мученика Воина Виктора Дамасского, построенная в память о войнах, погибших при обороне дальневосточных рубежей, в т.ч. в конфликте на о-ве Даманский. Сосуществование двух диаметрально противоположных дискурсов (кооперационистского и алармистского), в целом, характерно для высказываний и действий региональной бюрократии (*прим. авт.*).

зрения привлечения туристов и инвестиций, как и гораздо более длительная и сложная процедура создания комплексной трансграничной экономической зоны.

Что касается китайской стороны, то ее региональные власти продолжали развивать трансграничное сотрудничество. Так, в 2013 г. был принят «План развития приграничных районов провинции Хэйлунцзян и северо-восточной части Внутренней Монголии» до 2025 г., в соответствии с которым было выделено четыре региональных кластера приграничного сотрудничества с Россией [29]. С большой долей вероятности эти же участки границы будут выступать приоритетными при проработывании вариантов создания трансграничных экономических зон на новом этапе:

1. Кластер Муданьцзян-Суйфэньхэ включает в себя целиком городской округ Цзиси, а также центральную часть городского округа Муданьцзян и уезды Суйфэньхэ, Мулин и Дуннин. Это самый населенный (3,4 млн жителей) и наименьший по площади кластер (39,3 тыс. км²). С российской стороны на базе данного кластера будет создана трансграничная экономическая зона Пограничный-Суйфэньхэ.

2. Саньцзянский (Сунгарийский) кластер включает в себя городской округ Хэган, центральную часть и уезды Фуюань, Хуачуань, Фуцзинь, Тунцзян городского округа Цзямусы и уезд Жаохэ городского округа Шуанъяшань. На площади 45,5 тыс. км² проживают 2,5 млн жителей. На базе данного кластера: трансграничная экономическая зона Нижнеленинское-Тунцзян и на о. Большой Уссурийский.

3. Хинганский кластер - самый крупный из четырех, площадью 142,9 тыс. км², 1,9 млн жителей. В его состав включены округ Большой Хинган, центральная часть и уезд Цзяин городского округа Ичунь, а также центральная часть (район Айгунь) и уезды Бэйань, Удаляньчи, Сюнькэ и Сунь городского округа Хэйхэ. На базе данного кластера российская сторона предполагает создать трансграничную экономическую зону Благовещенск-Хэйхэ.

4. Кластер Хулун-Буир - Маньчжурия самый малонаселенный, он включает в себя приграничную часть городского округа Хулун-Буир, город Маньчжурию, уезд Аргунь и хошуны Шинэ-Барга-Цзоци, Чэнь-Барга-Ци и Шинэ-Барга-Юци. Общая площадь данной территории 97,5 тыс. км², население - 0,4 млн человек. На базе данного кластера: трансграничная экономическая зона Забайкальск-Маньчжурия.

Помимо этих, можно выделить формирующийся на базе железнодорожного моста (оконча-

ние строительства в 2019 г.) кластер Нижнеленинское-Тунцзян.

Наиболее обсуждаемый в настоящее время вариант ТЭЗ расположен в Приморском крае рядом с поселком городского типа Пограничный (население 10,2 тыс. жителей, 22-й по численности жителей населенный пункт Приморского края). Население всего Пограничного района - 22 тыс. С китайской стороны, население городского субокруга Суйфэньхэ составляет 70 тыс. человек. При одинаковой площади застройки (около 10 км², рассчитано на основе спутниковых снимков) численность жителей в Суйфэньхэ в 5-7 раз больше.

Общая площадь планируемой трансграничной экономической зоны (ТЭЗ) составляет 433 га, из них 233 - с российской стороны и 180 - с китайской [30]. Таким образом, планируемая ТЭЗ будет занимать около четвертой части существующих поселений и с российской, и с китайской стороны, однако в силу конфигурации границы будет располагаться значительно ближе к китайскому поселению.

Инициатором создания Зоны выступили те же бизнес-круги, которые выдвигали идею создания приграничных торгово-экономических комплексов (ПТЭК) в середине 2000-х. Учитывая локацию и размеры, в Зоны угадывается новая «обёртка» для прежней концепции, однако создание «окна на границе» с особым режимом потребует не менее сложного согласования с контролирующими ведомствами. В случае попадания Зоны под действие закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и юрисдикцию Корпорации по развитию Дальнего Востока, к ним добавятся еще сложности координации особого режима с устоявшимися практиками в территориях опережающего развития и «Свободном порту Владивосток», которые действуют на значительной части Дальневосточного федерального округа (ДФО).

В силу этого, вывод о необходимости дополнительной проработки проектов ТЭЗ, сделанный авторами Программы российско-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке на 2018-2024 гг., выглядит совершенно обоснованным.

* * *

В настоящее время вопрос создания трансграничных экономических зон (ТЭЗ) снова вошел в официальную повестку российско-китайских переговоров, однако на доработку и согласования может уйти значительное время, иногда более десятилетия, как это произошло с Программой со-

трудничества восточных регионов России и северо-восточного Китая на 2009-2018 гг. [31, с. 9].

Впрочем, на данный момент сформировался ряд факторов, способных ускорить проект по сравнению с реалиями десятилетней давности. Кризис 2014 г. и падение российского рубля относительно валюты обозначил переход трансграничья в новое качественное состояние. Отношения между российскими и китайскими регионами от формата «покупатель - продавец» перешли в формат «продавец - инвестор». Развитие Китая как капиталозбыточной страны создает условия для инвестирования за рубеж, в т.ч. в предприятия ТЭЗ. В свою очередь, ограниченность рынка Дальнего Востока способствует ориентации создаваемых в регионе производств на рынки близлежащих развитых стран.

Представляется, что трансграничная экономическая зона может быть экономически успешной при условии совмещения с созданием транспортных коридоров «Приморье-1» (в случае ТЭЗ По-

граничный-Суйфэнхэ) или «Приморье-2» (ТЭЗ Хасан-Хуньчунь), что позволит развиваться предприятиям экспортной направленности на рынки третьих стран (в частности, Японии или Южной Кореи). В таком случае можно рассчитывать на миграционный прирост населения за счет сотрудников расположенных в ТЭЗ предприятий и ориентированной на него сервисной сферы.

Успешное функционирование ТЭЗ несет потенциал укрепления опорного каркаса расселения за счет притока трудовых мигрантов на прилегающую территорию. Ведущая роль государства в урбанистическом процессе (как это происходит в Казахстане при создании нового города Нуркента*) позволяет мобилизовать ресурсы на начальном этапе и повысить привлекательность трансграничных экономических зон для инвесторов. В то же время потенциал административной урбанизации ограничен, что может быть компенсировано подключением более широкого круга участников в дальнейшем.

---

* ТЭЗ «Хоргос» и две примыкающие к нему СЭЗ стимулируют урбанизационные процессы в регионе. С китайской стороны в 2014 г. был организован городской округ Хоргос («самый молодой город на Шелковом пути»), в его центральной части проживает 17 тыс. жителей. На казахстанской стороне идет создание города Нуркент как ядра формирующейся Жаркент-Хоргосской агломерации. Проект генплана Нуркента предполагает, что численность его населения к 2022 г. достигнет 50 тыс., а к 2035 г. - 105 тыс., город войдет в двадцатку крупнейших в Казахстане. В настоящее время на проектируемой территории в жилом комплексе «Нуркент» проживает 2 тыс. человек (агломерация - 50-60 тыс.) (прим. авт.).

Список литературы / References

1. Послание Президента Федеральному Собранию. (The President Report to the Federal Assembly) (In Russ.) - <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> (accessed 15.10.2018)
2. Трансграничная ТОР может быть создана в районе Пограничный-Суйфэнхэ. (Cross-border territory of advanced development can be created in the area of Pogranichny-Suifenhe) (In Russ.) - <https://minvr.ru/press-center/news/12642/> (accessed 01.09.2018)
3. Создается трансграничная экономическая зона. (Cross-border economic zone is under creation) (In Russ.) - <https://toz.su/novosti-khelyuntszyanskoy-ekonomiki/sozdayetsya-transgranichnaya-ekonomicheskaya-zona/> (accessed 15.10.2018)
4. Тунцзян и ЕАО подписали соглашение о создании трансграничной зоны сотрудничества. (Tongjiang and Jewish Autonomous Oblast signed an agreement on creation of cross-border cooperation zone) (In Russ.) - <http://biang.ru/ru/economics/tunczyan-i-eao-podpisali-soglashenie-o-sozdanii-transgranichnoj-zonyi-sotrudnichestva.html> (accessed 15.10.2018)
5. Состоялось второе заседание Межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР. (2nd meeting of Russo-Chinese government commission for cooperation and development of Russia's Far East and Baikal Region and PRC North-East) (In Russ.) - <http://government.ru/news/33726/> (accessed 01.09.2018)
6. Зуенко И.Ю. Окно в Китай: почему у Казахстана получилось, а у России нет. (Window on China: Why Kazakhstan succeeded and Russia did not) (In Russ.) - <https://carnegie.ru/commentary/68012> (accessed 01.09.2018)
7. Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничие в контексте проектов евразийской интеграции // МЭиМО. 2016, № 12. С. 69-81. (Larin V.L. 2016. Russia-China Transboundary region from the Perspective of Eurasian Projects // MEiMO. № 12) (In Russ.)
8. Чубаров И.Г., Михайлова Е.В. Проблемы преодоления периферийности российско-китайского трансграничья // Россия в АТР. 2017. № 4. С. 88-105. (Chubarov I.G., Mikhailova E.V. 2017. Overcoming the Peripherality at the Sino-Russian Borderland. Rossiya v ATR. № 4) (In Russ.)
9. Грицай О.В., Иоффе Г.А., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. 168 с. (Gritsay O.V., Ioffe G.A., Treyvish A.I. 1991. Center and Periphery in regional development. M.) (In Russ.)
10. Баринов С.Л. Социально-экономическая периферийность в староосвоенных регионах центра и северо-запада России // Региональные исследования (далее - Р.И.). 2007. № 3. С. 26-32. (Barinov S.L. 2007. Socio-economical peripheries in old developed regions of Central and North-West Russia // Regionalnye issledovaniya (RI). № 3) (In Russ.)

11. Морачевская К.А. Пограничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России // РИ. 2010. № 4. С. 61-69. (Morachevskaya K.A. 2010. Borders and periphery as factors for economic development of border areas between Russia and Belarus // RI. № 4) (In Russ.)
12. Колесников Н.Г. Приграничность как фактор экономического развития региона // Труды Карельского научно-го центра РАН. 2012. № 6. С. 115-122. (Kolesnikov N.G. 2012. Borders as factor for regional economic development // Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN. № 6) (In Russ.)
13. Пилясов А.Н. Новая экономическая география и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // РИ. 2011. № 1. С. 3-31. (Pilyasov A.N. 2011. New economic geography and its potential for studying production resources allocation in Russia // RI. № 1) (In Russ.)
14. Земцов С.П., Бабуринов В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. № 1. С. 117-138. (Zemtsov S.P., Baburin V.L. 2016. Estimates of Russian regions' economic and geographic location. Ekonomika regiona. № 1) (In Russ.)
15. Ткаченко Г.Г. Экономико-географическое положение как фактор интеграции субъектов Дальнего Востока России со странами Северо-Восточной Азии // РИ. 2014. № 3. С. 42-50. (Tkachenko G.G. 2014. Economic and geographic position as factor for integration of Russian Far East and North-Eastern Asia // RI. № 3) (In Russ.)
16. Российские регионы хотят укрупнить. (Russian regions can be enlarged) (In Russ.) - <http://iz.ru/news/658777> (accessed 15.10.2018)
17. Dong Lisheng. China's Drive to Revitalise the Northeast - <http://chinaperspectives.revues.org/462> (accessed 15.03.2017)
18. Jia Kun. Mistakes in studying 'new Dongbei syndrome' // The Paper. 11.01.2017 (In Chin.) - http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1597758 (accessed 11.01.2017)
19. Завалишин А.Ю. Парадоксы дальневосточной градистики: урбанизация или обезлюживание? // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: сб. науч. ст. Владивосток. 2014. С. 71-76. (Zavalishin A.Yu. 2014. Far-Eastern urban characteristics: urbanization or depopulation? // Far-Eastern city in the context of Russian Pacific development. Vladivostok) (In Russ.)
20. 2017 Analysis of China urbanization rates for provinces and cities. China Industry Information. 24.08.2017 (In Chin.) - <http://www.chyxx.com/industry/201708/553670.html> (accessed 15.10.2018)
21. Lord M., Tangtrongjita P. Special Border Economic Zone (SBEZ) in the Indonesia-Malaysia-Thailand Growth Triangle - https://mpira.ub.uni-muenchen.de/61060/1/MPRA_paper_61060.pdf (accessed 15.10.2018)
22. Wang Zanxin. Cross-border economic zone as strategy for economic corridor development: concept, rationale and driving forces in the border areas of PR China - <http://www.rksi.org/document/cross-border-economic-zone-strategy-economic-corridor-development-concept-rationale-and> (accessed 15.10.2018)
23. Киреев А.А. Пограничная политика России на Дальнем Востоке: динамика задач и результатов // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 95-108. (Kireev A.A. 2017. Russian border politics in Far East // Problemy Dalnego Vostoka. № 3) (In Russ.)
24. Zhang Chijian. 1984 Hu Yaobang went to Sino-Soviet border. Yanhuangchunqiu (In Chin.) - <http://www.yhcqw.com/28/3173.html> (accessed 15.10.2018)
25. Горячев В.В. Китайские подходы к развитию приграничного сотрудничества (по материалам межпартийного форума в Суйфэньхэ) // Россия и АТР, 2010. № 1. С. 140-143. (Goryachev V.V. 2010. Chinese strategy for border cooperation development (materials from the Suifenghe party forum) // Rossiya i ATR. № 1) (In Russ.)
26. Распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 № 196-р. Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации. (RF government edict № 196-p of 09.02.2001. Concept of border cooperation in Russian Federation) (In Russ.) - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30364/ (accessed 31.08.2018)
27. Генпрокуратура назвала Лысака и Иванова руководителями преступного сообщества. 23.08.2007. (General Procurator's Office claimed Lysak and Ivanov were leaders of criminal community) (In Russ.) - <https://www.newsl.ru/vlad/2007/08/23/ops/> (accessed 01.09.2018)
28. Костюнина Г.М., Баронов В.И. Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) // Вестник МГИМО-Университета, 2011. № 2. С. 169-178. (Kostyunina G.M., Baronov V.I. 2011. Cross-border free economic zones abroad (the case of China) // Vestnik MGIMO-Universiteta. № 2) (In Russ.)
29. Plan of development of border areas of Heilongjiang and north-eastern part of Inner Mongolia (In Chin.) - http://www.gov.cn/zwgk/2013-09/23/content_2493029.htm (accessed 01.09.2018)
30. Трансграничная ТОР Пограничный-Суйфэньхэ объединит в себе территорию в 413 гектаров. 08.02.2018. (Cross-border territory of advanced development Pogranichny-Suifenghe will cover 413 hectares). 08.02.2018 (In Russ.) - <https://primamedia.ru/news/667952/> (accessed 15.10.2018)
31. Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Луи Чанхай, Ма Юцзюнь, Олейников И.В., Цинь Дун. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая 2009-2018: итоги и дальнейшие перспективы // У карты Тихого океана, 2018. № 3. С. 1-26. (Zuenko I.Yu., Ivanov S.A., Long Changhai, Ma Youjun, Oleynikov I.V., Qin Dong. 2018. Program for cooperation between Russian eastern regions and North-East China 2009-2018: results and further prospects // U karty Tikhogo okeana. № 3) (In Russ.)